

HARLEQUIN®
020

Аманда Маккейб
У КРОЩЕНИЕ
ПОВЕСЫ

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Аманда Маккейб
Укрощение повесы
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 20

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5826246
Укрощение повесы: Центрполиграф; Москва; 2013
ISBN 978-5-227-04285-9*

Аннотация

Анна Баррет с облегчением вздохнула, когда ее жестокий и грубый супруг отправился в мир иной. Молодая женщина поселилась в доме отца и стала помогать ему в управлении его театром «Белая цапля». Очень скоро благодаря Анне и дом стал выглядеть чудесно и прибыли театра удвоились. Миссис Баррет была довольна своей жизнью и слышать не хотела о новом замужестве, что, однако, не помешало ей отчаянно влюбиться в красавца Роберта Олдена – актера, поэта, опасного дуэлянта и еще бог знает кого...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	54
Глава 6	70
Глава 7	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Аманда Маккейб

Укрощение повесы

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Раны Христовы, опять свара! И Анна не сомневалась в ее причине.

Она отложила порванный костюм и взглянула на сцену через перила верхнего яруса. Утренняя репетиция труппы «Слуги лорда Хэншоу»¹ еще не началась, лишь несколько актеров отрывочно повторяли свои роли да старая Мадж выметала мусор, оставшийся со вчерашнего представления. Обычное утро в театре «Белая цапля». Может, ей слышалось?

Нет, вот опять. Крики, доносившиеся из близлежащего переулка, стали громче. Грубому мужскому голосу вторил высокий женский. Все это сопровождалось язвительным смехом.

Актеры на сцене тоже это услышали, прервались на полуслове и с любопытством обернулись к запертым дверям.

– Похоже, мастер Олден вернулся, – сообщила сверху Анна спокойным и ровным голосом, совершенно не отражавшим внутреннего состояния. – Дурачина, – прошептала она, сама не зная, кого имеет в виду, его или себя.

Анна изнывала от желания схватить Роберта Олдена в охапку и изо всех сил потрясти! А потом притянуть к себе

¹ В елизаветинские времена большинство актерских трупп причислялись к какому-либо лорду, иначе их считали бродягами.

и поцеловать...

Она изо всех сил старалась навести порядок в своей жизни и не позволит опять посеять в ней хаос этому неприлично привлекательному актеру-скан да листу.

– Может, стоит его впустить? – поинтересовался Итан Камп, главный комик театра. Он уже предвкушал хороший скандал.

– Полагаю, да, – отозвалась Анна. – Он задолжал нам новую пьесу, и, если ему переломают руки, мы ее уже не получим.

Она стремительно развернулась и, подобрав серые шерстяные юбки, торопливо сбежала по узкой винтовой лестнице с деревянными ступеньками. Миновала пустующий в такое время нижний ярус и выбежала в зрительный двор под открытым небом. Здесь голоса слышались куда громче, словно участники ссоры играли для стоячего партера.

Но Анна слишком хорошо понимала, что, если прольется кровь, она будет не из свиного пузыря, спрятанного под театральным костюмом.

Старый привратник Элиас стал отпирать двери, а актеры, как по команде, вытащили кинжалы. Даже Мадж перестала подметать и с живейшим интересом оперлась на свою метлу.

«Как будто в театральной жизни мало непредсказуемого, – криво усмехнулась про себя Анна. – Умеет же Роберт Олден подкинуть в огонь дровишек».

Почему-то она чувствовала себя такой душой. С облегче-

нием приняв вдовство после опрометчивого брака, Анна наконец упорядочила свою жизнь. Она помогала отцу со всеми его делами, особенно с «Белой цаплей», и ей это нравилось. Нравилось, что ей все хорошо удается и что в ней нуждаются – это было в новинку и в охотку. Она могла закончить свою работу и скрыться за кулисами. Хватит с нее опасностей, которые таят в себе романтические отношения. Особенно с актером!

Но, глядя на Олдена, она снова чувствовала себя глупой девчонкой. Краснеющей, хихикающей дурочкой – такой же, как все те женщины, толпами посещающие театр только для того, чтобы увидеть ЕГО на сцене. Кинуть к его ногам букет и упасть в обморок от восторга. И в подходящий момент задрать юбки в ложе, когда кажется, что их никто не видит.

А он действительно красивый, соблазнительный дьявол. Да, в придачу к лазоревым глазам и потрясающему заду еще и талантливый поэт. Но Анна не поддавалась соблазну. И не потому, что не хотела стать очередным легким призом. В ее обязанности входило лишь выманить у него пьесы, эти поразительные истории, которые собирают огромные толпы и приносят отличную прибыль. Они пользовались большим успехом, их можно было играть много дней, и поток зрителей совсем не ослабевал, давая аншлаги за аншлагом.

Но если он угробит себя в драке, этих прекрасных слов уже никто не напишет, а Анна боялась, что именно так и случится. Его горячий нрав известен даже в буйном Соутворке.

Едва дождавшись, когда распахнутся двери, Анна промчалась на улицу, сжимая в руках грозное оружие – свои портновские ножницы. Жаль, при ней не оказалось той маленькой шпаги, с которой она ходила по отцовским арендаторам, собирая плату. Выбежавшие актеры остановились у нее за спиной.

По утрам в Соутворке бывало довольно тихо. Район, где процветали изгнанные за городские стены сомнительные развлечения, наподобие медвежьих ям, борделей и таверн, после бурной ночной жизни так рано не просыпался. От реки поднимался серый густой туман, нависая над закупоренными в ставни домами и грязными вонючими улочками.

Однако два-три окна все-таки были открыты, и из них уже выглядывали сонные лица, желающие посмотреть, что за шум. Такие вещи всегда привлекают внимание, не важно, в котором часу. Но как только все заканчивалось, зеваки тут же исчезали.

Первой Анна увидела пышногрудую даму в некогда ярком, а теперь поблекшем платье желтого атласа, ее русые волосы неаккуратно рассыпались по плечам. Она громко рыдала, и слезы с трудом пробивали дорожки в толстом слое косметики.

Взгляд Анны метнулся к мужчине. Тот стоял к проститутке лицом и, как безумный, размахивал шпагой, огромный, напоминающий медведя, с красным лицом и черной густой бородой. Он явно был очень зол и, казалось, вот-вот взорвет-

ся. У Анны похолодело внутри: мужчина пьян, а значит, еще более непредсказуем.

Это только в пьесе заранее известно, чем все закончится. Кто знает, насколько далеко Роб зашел на этот раз?

Она повернулась к нему, похоже, его меньше всех беспокоило происходящее. Наверняка тоже набрался эля, но ничем себя не выдал. Его глаза сияли, как летнее небо, а на губах играла насмешливая улыбка, будто неизбежное выпускание кишок сулило большую забаву.

В отличие от своего противника гибкий и стройный Роб двигался с изящной актерской грацией. Расстегнутая белая рубашка демонстрировала гладкую мускулистую грудь и широкое пятно крови. Он держал рапиру, слегка покручивая эфесом. Солнечные блики вспыхивали на остром клинке и золотых кольцах, украшающих его испачканные чернилами пальцы.

Анна знала, что он хороший фехтовальщик. Впрочем, это было известно всем в Соутворке. Кроме того, она слишком часто видела его в действии – и на сцене, и в уличной драке. Его острый язык и вспыльчивость часто вводили в искушение скандалистов. Но на этот раз дело обстояло иначе. В воздухе витало какое-то напряжение, словно затишье перед бурей.

– Миссис Баррет! – Роб отвесил ей замысловатый поклон. – Вижу, вы пришли поглядеть на наши забавы.

– В чем дело на этот раз? – спросила она, осторожно по-

глядывая то на Роба, то на рассерженного «медведя».

– Он мошенник! – взревел гигант. – Он задолжал мне за эту шлюху.

Женщина зарыдала еще громче.

– Ничего подобного. Я же говорила тебе! Не все мужики скоты. Я же тогда не работала...

– Все верно, – радостно подтвердил Роб. – Среди нас есть джентльмены, которые знают, как получить леди должным образом.

Джентльмен? Анна сжала губы, чтобы не рассмеяться. У Роберта, безусловно, много достоинств – острый на язык, умный и чертовски привлекательный мужчина. Но уж джентльменом его никак не назовешь.

Все ясно: очередная ссора по поводу платы винчестерской гусыне.² Однако она чувствовала, что за обычным спором кроется нечто большее. Некое подводное течение.

Она повернулась к Робу и открыла рот, чтобы вмешаться, но в этот момент странное напряжение взорвалось и тихое утро обратилось в хаос. Гигант с оглушающим ревом кинулся на него. У Анны зарябило в глазах от мешанины рук и клинков, она и не представляла, что можно двигаться так быстро.

Стоявшие в тени слуги с воплями бросились хозяину на подмогу. Сражение грозило превратиться в масштабную потасовку. Анна прижалась к стене.

² Винчестерская гусыня – жаргонное название проституток в старой Англии.

Однако она недооценила Роба. На вид – распутник чистой воды, он двигался так, словно за долгую ночь не утратил ни капли своей актерской пластичности. С грацией королевского тигра увернулся от нападавшего, схватил его за руку и, используя разницу в весе, бросил гиганта на землю. Хрусткий звук заставил челядь застыть на месте, а ее хозяин издал мучительный стон.

Роб махнул им своей рапирой.

– Ну, кто следующий?

Как и следовало ожидать, его вызов никто не принял. Слуги подхватили своего упавшего хозяина и куда-то поволокли, рыдающая проститутка поплелась вслед за ними. Кровавопролитие закончилось так же быстро, как и возникло.

– Надеюсь, теперь вы довольны, – пробормотала Анна.

Роб, смеясь, оперся рукой о стену у ее головы.

– Да, вполне. Они сбежали, как крысы из сточной канавы.

Разве вас это не позабавило?

– Нет. Мне кажется... – Она вдруг увидела, что пятно крови на его обнаженной груди стало больше и ярче и пачкает его растрепанную рубашку. – Вы ранены!

Она протянулась к нему, но он зашипел от боли и оттолкнул ее руку:

– Это просто царапина.

– Если ничего не предпринять, царапина может привести на кладбище, – запротестовала Анна. – Я ведь дочь Тома Олвика, если помните? Мне много раз приходилось видеть ра-

ны. Пожалуйста, позвольте мне взглянуть.

Он посмотрел мимо нее на глазающих актеров, явно недовольных, что шумиха так быстро закончилась.

– Не здесь, – пробормотал он.

– Что? Скромничаете? Хорошо, мы можем пройти в уборную.

– Я буду счастлив перед вами разоблачиться, миссис Баррет. Только попросите...

Роб внезапно качнулся, его бронзовое лицо посерело.

Анна приняла его на себя, обхватив рукой за стройную талию. В ее сознании прозвучал тревожный звоночек. Роберт Олден никогда не бледнел. Этой ночью, похоже, действительно что-то случилось.

– Роб, в чем дело? – выдохнула она.

– Никто не должен узнать, – грубо заявил он и тяжело прислонился к ней, дыша в затылок.

Узнать что?

– Я никому не скажу, – прошептала она. – Пойдемте в дом, и все будет хорошо.

Если бы только она сама верила в то, что говорила.

Глава 2

Анна вела Роба по запутанному коридорному лабиринту за сценой театра. Царила такая пугающая тишина, что было слышно, как его дыхание эхом отдается в грубых деревянных стенах. В горле у нее застрял запах пыли, грима и крови, а опиравшийся на нее Роб казался слишком горячим, словно у него был жар.

Она старалась не поддаваться беспокойству, но у нее не слишком-то получалось. Всю свою жизнь она жила со вспыльчивыми и непредсказуемыми мужчинами – сначала с отцом, потом мужем, теперь снова с отцом. Вражда и драки, дуэли и даже внезапная смерть от чьей-то руки – все это на улицах Соутворка и Бэнксайда было обыденным. Анна на горьком опыте узнала, каково это – иметь дело с такими характерами.

Но Роб Олден, несмотря на свою вспыльчивость, всегда был выше подобных вещей. Он мог выигрывать поединок одним движением рапиры и при этом беззаботно улыбаться. Его знали и боялись. Мужчины говорили, что за его улыбкой скрывается смертоносное сердце, и старались избегать Роба. Анна много раз видела эту его улыбку и ломала над ней голову. Роб шагал по жизни как заколдованный.

В отличие от нее самой.

Неужели колдовство иссякло?

Она отбросила липкий холодный страх и привела Олдена в пустую артистическую уборную за сценой. Здесь вдоль стен стояли сундуки с костюмами и другими театральными принадлежностями. В темном углу поблескивала бутафорская пушка. Анна смахнула грудь затупленных рапир с потрепанного сундука со старой одеждой и усадила на него Роба.

Тот медленно опустился на импровизированное сиденье и настороженно посмотрел на нее. От беззаботной улыбки и привычного веселого флирта не осталось и следа. Он казался старше, тяжелее, заострившиеся черты красивого лица отбрасывали темные тени. Как она раньше не замечала этой холодности?

Такое открытие лишь усилило ее осторожность: Роб со своей красотой угрожал ее с трудом завоеванной тихой жизни.

– Что произошло? – спросила она и, избегая его пронзительного взгляда, достала из буфета корзину с медикаментами. Бинты и мази всегда были у нее под рукой. В театре постоянно кто-то травмировался.

– Вы же сами видели, – откликнулся Роб.

Его тон был тоже серьезен, ни малейшего намека на легкий юмор, которым он всегда пользовался как щитом, чтобы скрыть свою истинную натуру.

В сущности, Анна не горела желанием узнать подробности.

– Ссора из-за шлюхи? – спросила она.

– Именно. Увы, это частное дело.

– Действительно.

Ее отец владел борделями, и она знала, что творится за закрытыми дверями. Актеры создавали самые большие проблемы. И все же она не могла избавиться от ощущения, что сюда вкралось что-то еще.

Она наблюдала за тем, как Роб стягивает рубашку через голову. Он вздрогнул, когда ткань задела плечо, и Анна увидела тому причину. Длинная глубокая рана дугой изгибалась по верхним ребрам до самого плеча – рваная красная линия, едва не задевшая сердце, уже покрывшаяся коркой, но еще немного сочившаяся красноватой сукровицей, стекавшей по гладкой, глянцевої коже.

Были и другие, старые шрамы – побелевшие напоминания о прошлых сражениях и ранах, портивших его идеальную внешность. Их вид напомнил ей о каждодневной опасности этой жизни.

Она смочила водой чистую ткань и стала аккуратно промокать рану, дыша медленно и неглубоко, сохраняя на лице невозмутимое выражение. Вращаясь в актерских кругах, она кое-что узнала о лицедействе. Ничто не может быть тем, чем кажется.

– Из-за платы? – поинтересовалась она, осторожно смывая засохшую кровь, чтобы оценить глубину раны.

Дыхание Роба стало прерывистым, но он не отдернулся. Только смотрел на нее все с тем же бесстрастным выраже-

нием. Его голубые глаза, казалось, видели все насквозь, но ничем себя не выдавали.

Анна медленно подняла глаза, их взгляды встретились. Она поняла, почему шлюхи дрались за него. Пусть он – последнее, что ей нужно в этой жизни, однако представлял собой редкий образчик мужественности, особенно глядя сейчас на его лицо и стройное сильное тело. Он сам по себе – воплощенная опасность для нее, и, что бы там ни скрывал, это давало лишний повод для ее осторожности.

Сильный, металлический запах крови быстро вернул ее к реальности, напомнив об обязанностях.

– Да, – ответил он после долгой, тяжелой паузы. – Когда мы закончили, ее сводник попытался выманить что-то сверх договоренности. Уверен, ваш уважаемый отец никогда не позволяет подобного в своих заведениях.

Ей показалось или в его голосе прозвучал сарказм? Анна едва не засмеялась. Когда дело касалось отца и его деловых методов, она бы ни за что не стала ручаться. Он тот еще старый прохвост. Но даже он не стал бы обманывать Роберта Олдена.

Как и любой другой в Соутворке. Слишком многие испытывали на себе холод его кинжала, а с тех пор, как Роб побывал в брайдуэллской тюрьме за дуэль со смертельным исходом, тот стал еще холоднее. Это случилось еще до того, как он стал пайщиком труппы «Слуги лорда Хэншоу» и одним из популярнейших актеров и драматургов, поэтому Анна не

знала подробностей. Но прислушивалась ко всем сплетням по этому поводу.

– Это сводник вас ранил? – Она стала накладывать на рану липкую мазь. – Ведь вряд ли подобное сделала та шлюха.

На его губах мелькнула привычная беззаботная улыбка.

– Нет, она не смогла бы нанести урон моей красоте. Но это и не боров-сводник.

– Не он? Неужели целых две ссоры за ночь? Это слишком даже для вас, Роб.

– Это давнее дело. Не о чем волноваться, прекрасная Анна.

– В таком случае, надеюсь, все решено уже окончательно. Иначе, боюсь, кто-то все-таки испортит вам внешность.

– Я тронут тем, что вы за меня переживаете.

Анна засмеялась, потянулась за скатанной в рулончик повязкой и туго перебинтовала ему плечо. Белая ткань ярко выделялась на бронзовой коже.

– Я беспокоюсь о финансах своей семьи. Без новых пьес Роберта Олдена «Белая цапля», безусловно, потеряет в выручке, а у моего отца много расходов.

Роб внезапно схватил ее за запястье, его теплые пальцы сжали ее руку. Даже раненный, он был очень силен. Привлек ее к себе – так близко, что она чувствовала на шее его дыхание и соблазнительный жар его тела рядом.

– Вы нанесли мне рану, Анна, – произнес он без тени намека на веселье в бархатистом голосе. – Вы действительно

так обо мне думаете?

Она и сама не знала, что о нем думает. Он вносил смуту в ее душу с тех самых пор, как они впервые встретились. Тогда Анна вернулась домой после долгожданного окончания своего несчастливого брака.

Роберт Олден – непредсказуемый, привлекательный, переменчивый...

И опасный.

Она попыталась высвободить руку, чтобы сохранить безопасную дистанцию. На мгновение его рука напряглась, и она решила, что он ее не отпустит. Сама того не замечая, Анна качнулась к нему.

Роб быстро прижался губами к тыльной стороне ее запястья.

– Конечно, именно так вы и думаете, – пробормотал он и отпустил ее руку.

Анна неловко отступила назад, ощутив головокружение и смятение, это ей совершенно не нравилось. В браке она была совершенно бесправна и после его окончания упорно трудилась, чтобы построить свою собственную жизнь. Не хотелось бы, чтобы Роберт Олден со своей красотой и присущими ему безумствами снова вверг ее в хаос.

Она этого не допустит.

Анна подхватила с сундука его мятую рубашку и бросила Робу. Тот, несмотря на рану, ловко поймал ее одной рукой.

– Вы всем нам нужны, Роберт, – сказала она. – А ваше

легкомысленное поведение подвергает нас опасности.

Он засмеялся, но Анне показалось, что за беззаботной небрежностью его смеха скрывается какая-то горечь. Понимает ли он, что с ними делает? Его это вообще заботит?

Роб натянул рубашку и произнес:

– Я снова разочаровал вас, прекрасная Анна. Но не отчаивайтесь – в ближайшие пару недель вы получите от меня новую пьесу. И я не сомневаюсь, что сумею остаться целым и невредимым даже на столь долгий срок.

Но Анна, в отличие от него, не была так в этом уверена. Опасные искушения поджидали его на каждом шагу, а Роб не из тех, кто от них отмахивается. Должно быть, все эти сомнения отразились у нее на лице, поскольку Роб вновь засмеялся.

– Похоже, вам хочется запереть меня где-нибудь на чердаке, – заметил он. – Я мог бы подсовывать вам под дверь готовые страницы, и за каждую сцену вы бы награждали меня хлебом и элем. Ну или еще какими-нибудь дарами из ваших рук.

Поцелуями, как его шлюхи? Разозлившись, Анна запустила оставшиеся бинты ему в голову.

– Не искушайте меня, Роберт Олден, я ведь могу именно так и поступить!

Она развернулась и ринулась к выходу. Ей в спину плеснулся его смех.

– Не могу дождаться стать вашим пленником! – крикнул

он. – У меня наготове много вариантов, как хорошо провести время...

Анна хлопнула дверью и оборвала смех, доведивший ее до бешенства. Она выбралась обратно к открытой сцене. Все актеры уже были в сборе и болтались вокруг, словно в ожидании каких-то событий.

– Что вы тут без дела слоняетесь? – закричала Анна. Она сыта по горло ими и их дикими выходками. – У нас сегодня вечернее представление и нет времени прохлаждаться.

Они продолжили репетировать, а Анна вернулась на верхний ярус и снова взялась за шитье, пытаясь успокоиться. Но у нее так дрожали руки, что она едва могла удержать иглу.

Глава 3

Как только Анна покинула уборную, Роб тяжело рухнул на сундук. Плечо горело огнем, жгучая мазь заживляла разорванную плоть, а голова после последней ночи отяжелела.

Он с силой потер лицо и откинул со лба растрепанные волосы. Предполагалось, что все будет просто и быстро. Прийти на прием, подождать, пока все наберутся элем, и найти документы. По сравнению с тем, что он не раз проделывал для королевы и всей страны, это не более чем пустяковая прогулка.

Правда, сработало не совсем так, как надо. Он получил бумаги, но при этом еще и кинжал в плечо.

– Самое время уйти на покой, – произнес он и криво улыбнулся.

От Уолсингема, государственного секретаря, еще никто не уходил на покой – разве что в деревянном гробу на кладбище. Но, господи боже, как он устал!

Он потрогал плечо и, ощутив выступающий бугор аккуратной повязки, подумал об Анне Баррет. Ему припомнились ее нежные прохладные руки во время перевязки и внимательные зеленые глаза, когда она осматривала его рану. От нее пахло солнцем и розами, а стройная, ладная фигурка так горячила кровь, когда она к нему наклонялась ближе. Так близко, что он мог обнять ее за талию, притянуть к себе, по-

целовать...

Со своими сияющими каштановыми волосами и бледной кожей, с полными розовыми губами, которые так и манили, словно вопреки колючему отчуждению, Анна была очень красивой женщиной. Роб слыл многоопытным ценителем женской красоты, и его сразу, с самого момента их первой встречи много месяцев тому назад, к ней потянуло. Под ее холодностью пряталась настоящая страсть, манящий огонь.

Но недоступный. В Соутворке все знали, что она не желает никого, ни мужчин, ни женщин. Она возвышалась над всеми, холодная и сверкающая, как Полярная звезда. Тем, кто осмеливался попытать счастья, было со смехом отказано.

Так что Роб и не пытался. Ему с лихвой хватало дам, которые охотно с ним развлекались. Но что ему действительно нравилось, так это дразнить Анну и флиртовать с ней. Смотреть, как розовеют ее щечки и искрится гнев. Еще больше ему нравилось к ней прикоснуться в те редкие моменты, когда она позволяла ему приблизиться и ощутить ее тепло.

На большее он не осмеливался. Анна сияла с высоты, как звезда, да, собственно, и была ею среди соутворковской грязи. Он не станет втягивать ее в свою работу, не настолько бессердечен, чтобы так далеко зайти. Пока нет.

И все же случались моменты, мгновенные вспышки некоего чувства, в котором он не признавался даже самому себе, когда он начинал задумываться, каково было бы испытать ее восхищение. Ему хотелось целовать эти нежные губки и чув-

ствовать, как она ему отвечает, раскрывается перед ним.

Судя по тому, как она сбежала из уборной, сегодня явно не судьба. И надо, чтобы так все и оставалось. Пусть думает, что его ранили в какой-нибудь дешевой сваре из-за очередной «доль тершит»,³ как всегда. Она должна видеть его таким, каким он позволяет миру видеть себя: легкомысленным скандалистом.

Как это она сказала: «Ваше легкомысленное поведение подвергает нас опасности»? Ну что ж, права, даже больше, чем сама понимала. В «Белой цапле» он впервые за долгое время обрел почти настоящий дом, а актеры труппы стали его единственными родными людьми. Он должен их защитить.

Роб застегнул рубашку, невзирая на тупую боль в плече. Льняная ткань повязки до сих пор источала аромат розовой туалетной воды, и он сделал глубокий вдох, чтобы удержать его еще хоть мгновение. Горькая усталость лежала на плечах тяжелым грузом, но он не может позволить себе отдых, не может искать убежище в объятиях Анны Баррет. Ему необходимо доставить бумаги.

Раздался торопливый стук в дверь. Стряхнув остатки боли, Роб снова надел на себя невидимый плащ легкомысленного распутника. Он настолько вжился в обе роли, что переходил от одной к другой так же просто, как менял на сцене

³ Отсылка к произведению У. Шекспира «Генрих IV». Персонаж Доль Тершит – проститутка.

маски из папье-маше. Только вот не слишком ли ему стало легко? Может, он уже потерял себя в этой смене лиц?

– Роб, ты здесь? – послышался из-за двери мужской голос. – Мне сказали, ты прячешься в уборной.

Это был его друг Эдвард Хартли, который периодически помогал ему в тайных заданиях.

– Входи, – откликнулся Роб. – Похоже, я прячусь не слишком успешно.

Эдвард проскользнул в комнату и закрыл за собой дверь. Как обычно, он был одет по самой последней моде – черный бархатный дублет, подбитый темно-красным атласом, и расшитый золотой нитью короткий плащ, на голове красовалась шляпа с пером. Этаким яркий павлин, заскочивший в пыльно-серое театральное закулирье.

Но Роб знал, что за роскошным бархатом и драгоценностями скрывается настоящая сталь. Эдвард не раз спасал его от гибели, и Роб делал то же самое для него. Они служили одному делу. При нем Роб мог позволить себе расслабиться, хоть немного, на какое-то время ослабить постоянную бдительность.

Эдвард протянул ему грубую глиняную фляжку.

– Я слышал, сегодня утром была какая-то ссора, и подумал, что ты в нее ввязался.

– Слухи быстро распространяются, – отозвался Роб и, приняв фляжку, откупорил ее. Оттуда потянулся опьяняющий запах домашней медовухи. Роб запрокинул голову и

сделал длинный глоток. Горячая волна прокатилась по всему телу, отлично выполнив свою функцию. – А я думал, ты отбыл в деревню вместе с прекрасной леди Элизабет.

При упоминании своей возлюбленной Эдвард засиял, как влюбленный идиот.

– Нет, пока еще нет. Мы на несколько дней задержались, и, видно, очень кстати, тебя надо заштопать.

Роб вытер рот тыльной стороной руки.

– На этот раз не требуется никакой штопки. Миссис Баррет очень неплохо меня починила.

– Неужели? – Эдвард удивленно вскинул бровь и потянулся за флягой, чтобы самому глотнуть горячительного напитка. – А прекрасная миссис Баррет знает истинную причину?

Роб вспомнил, с каким выражением лица Анна говорила, как его поведение влияет на обитателей театра. Он глотнул медовухи, но так и не смог изгнать из памяти ее озабоченный вид.

– Она думает, что ссора произошла из-за оплаты шлюхе. Как, впрочем, и все остальные.

Эдвард кивнул.

– А бумаги?

– Они у меня.

– Тогда, может, мне пройтись с тобой до Ситтинг-Лейн? Вдвоем больше шансов избежать неприятностей по дороге.

– Лучше завтра. – Роб закупорил флягу и с трудом удержался, чтобы не грохнуть ее о каменный пол. Все его чертова

вспыльчивость. Он уже клялся себе, что больше ей не поддастся, но все равно ввязался в кровавый поединок и чуть не открылся Анне. – Сначала мне еще кое-что нужно сделать.

Глава 4

Анна сидела, склонившись над бухгалтерскими книгами, и пыталась сосредоточиться на ровных рядах цифр, подбивающих дневную выручку. Обычно ей нравилось разбирать счета – в конце цифры всегда соединялись в правильный ответ. Они, в отличие от самой жизни, всегда постоянны и предсказуемы. Она их хорошо понимала.

Но этим вечером чернильные числа расплывались у нее перед глазами, а перед внутренним взором вспыхивали яркие живые воспоминания – Роберт Олден и кровь на его плече. Серьезный взгляд, когда он смотрел на нее, словно скрывая древние и ужасные тайны – тайны, которые дозволялось увидеть только мельком и только на мгновение.

– Да пропади все пропадом, – выругалась она и расстроено отбросила перо. По странице рассыпались крошечные черные капли. Естественно, у Роберта есть тайны. У всех они есть. Жизнь полна грязи и конкурентов, и каждый выживает как может. Она видела это каждый божий день. Никому не выбраться с чистыми руками или сердцем, во всяком случае никому из тех, кто зарабатывает на жизнь театром.

Ей достаточно своих тайн и сожалений и чужих не надо.

И все же что-то в его глазах ее сегодня задело, совершенно против воли. Роб Олден был красивым, веселым дьяволом, острым как на язык, так и на рапиру. А сегодня показался

печальным и постаревшим, словно много повидал в жизни и друзья слишком часто его предавали.

Но это длилось лишь мгновение, потом он снова спрятался за своей беззаботной красотой. Но она никак не могла забыть этот печальный взгляд.

– Не будь такой дурищей, – произнесла вслух Анна, обращаясь к самой себе.

Она ничуть не лучше той шлюхи в дешевом платье, что рыдала на улице из-за Роба. У нее нет времени на глупости и сантименты, особенно по поводу распутника, который над ними только посмеется. Он их не заслуживает. Актеры хороши в любви только на сцене, в реальной жизни они в ней ужасны.

Она тщательно счистила с веленовой бумаги чернильные пятна и постаралась вернуться к колонкам чисел. Шиллинги и фунты – именно о них она должна сейчас думать, именно их постигать.

Внезапно парадная дверь у нее за спиной распахнулась, и в дом ввалился Том Олвик, ее отец. В открытом проеме она увидела вдалеке «Белую цаплю», театр по другую сторону сада казался в надвигающихся сумерках пустынным и темным. Все веселье давно закончилось, зрители разошлись – кто через реку по домам, а кто по близлежащим тавернам и борделям в поисках сомнительных развлечений.

Похоже, ее отец относился к последним. Красно-кирпичный шерстяной дублет криво застегнут, шляпа на седых рас-

трепанных волосах сильно скособочилась. Даже со своего места она чувствовала, как от него разит дешевым вином.

Анна аккуратно отложила перо и закрыла бухгалтерскую книгу. Драгоценный час тишины закончился. Сегодня ей даже не почитать стихов; начиналась привычная вечерняя рутина. Но отец, будучи пьяным, хотя бы не впадал в ярость, в отличие от ее покойного супруга. Том садился у огня и потчевал ее всякими безумными историями до тех пор, пока не начинал храпеть. Порой звал во сне ее мать – та умерла, когда Анне было три года, но он никогда ее не забывал.

А Чарльз Баррет, покойный муж Анны, имел обыкновение отвешивать ей пощечины и бить тарелки, а затем настаивать на брачных правах. Так что, да, она предпочитала жить со своим отцом. Очень даже предпочитала.

– Анна, дочь моя дорогая! – закричал Том, спотыкаясь о высокий порог гостиной. Он резко взмахнул рукой, чтобы восстановить равновесие, и чуть не сорвал со стены дорогой гобелен.

Анна подскочила к нему и ухватила за плечи, не позволяя разнести обстановку. Она слишком хорошо знала, откуда берется каждый фартинг, что они платят за свои домашние удобства. Отец привалился к ней, и она подвела его к креслу у очага.

– Опять работаешь? – спросил он, тяжело опускаясь на вышитые подушки.

Анна отодвинула корзину для шитья и осторожно подняла

его ноги на табурет.

– Я просматривала выручку за сегодняшнее представление. Сборы немного упали, хотя лорд Эдвард Хартли был в своей ложе и смотрел пьесу.

– «Сомнения служанки» уже свое отыграли, – сказал Том. – Уверен, когда мы начнем новую пьесу Роба, у нас будет богатый улов.

– Если начнем, – пробормотала Анна, стаскивая с отца сапоги, мокрые и грязные от шатаний по улицам Соутворка, и поставила их сушиться у огня.

– Что ты имеешь в виду, моя дорогая? Роб никогда не запаздывает с пьесами! И они всегда дают отличную выручку. Зрители их обожают.

«Неудивительно, что они дают богатую выручку», – подумала она.

Женщины приходили целыми толпами, надеясь хоть одним глазком увидеть на сцене автора пьесы. Они всегда доплачивали за верхние места, мягкие подушки и покупали чем подкрепиться и освежиться.

Хотя Анна не могла их за это винить. Каким бы невыносимым ни был автор, его пьесы всегда исключительны. Поразительные истории о власти и опасностях королевского сана, о предательстве, любви и мести. Они брали за душу и были написаны прекрасным поэтичным слогом, таким редким на сцене. Публика под конец каждый раз рыдала.

Сочинения Роберта Олдена и его поразительные миры за-

девали даже Анну, которая не раз видела постановки. Они стоили тех проблем, которые он причинял.

Обычно стоили.

Она села в кресло напротив отца.

– Его последнюю пьесу задержал распорядитель увеселений. Прошло много недель, прежде чем мы получили право ее поставить. Он слишком легкомысленно относится к своим сюжетам.

Том с такой яростью отмахнулся, что чуть не вывалился из кресла.

– Зрители любят противоречия. А ожидание только подогревает интерес.

– Нет, ведь получается, мы уже заплатили хорошие деньги, а пьесой воспользоваться не можем!

– Анна, все будет хорошо, я в этом не сомневаюсь. Ты в последнее время слишком много работаешь. И от этого так переживаешь.

– Мне нравится эта работа.

Она занимала ее время и одновременно давала повод не показываться на людях.

Том сощурился и проницательно посмотрел на дочь. На мгновение винные пары словно развеялись.

– Ты слишком молода и красива, чтобы хоронить себя в бухгалтерских книгах. Тебе стоит подумать о новом браке.

Анна горько усмехнулась:

– Одного мужа мне было вполне достаточно.

– Чарльз Баррет оказался безмозглым скотом, а я сглупил, что позволил тебе выйти за него, – сказал Том. – Но не все мужчины такие, как он.

Нет, есть и такие, как Роберт Олден. *Слишком* красивый и *слишком* остроумный, как для своего блага, так и для любой женщины.

– Меня устраивает быть самой по себе. Нам с тобой неплохо вместе, разве нет?

– Я-то точно стал лучше жить после твоего возвращения. Дом теперь под чудесным присмотром, и прибыль удвоилась.

– Это потому, что я заставляю тебя вкладывать деньги вместо того, чтобы тратить их на вино и эль.

– Именно так, моя дорогая. Но я не эгоист, чтобы держать тебя при себе только ради собственного удобства.

– Я ведь уже сказала тебе: меня вполне устраивает так жить, клянусь тебе. А сейчас как ты смотришь на то, чтобы поужинать? Я могу послать Мадж в таверну за тушеной олениной, и у нас есть свежий хлеб...

– Ох, чуть не забыл! – воскликнул Том. – Я же пригласил кое-кого с нами поужинать. Они будут здесь с минуты на минуту.

Анна вздохнула. Конечно, отец всегда приглашал гостей к ужину или поиграть в карты, и они всей компанией веселились до утра. Тихие вечера вдвоем были редкостью.

– Тогда я попрошу Мадж принести больше оленины и еще каких-нибудь пирогов, – сказала она и пошла за служанкой.

Гости отца, по крайней мере, почти не требовали изысков. – Кто сегодня будет?

– Ну, кое-кто из актеров, конечно. Спенсер, Картли, Камп, и они, наверное, захватят еще друзей. Нам надо обсудить новую пьесу и распределить роли. – Том замылся. Плохой признак. – И еще Роберт. Кажется, я приглашал его, когда увидел в «Трех колокольчиках».

– Ты видел его в «Трех колокольчиках»? – удивилась Анна. Она думала, что после ночных приключений он вернется домой и рухнет в постель, а не пойдет по тавернам.

Можно было догадаться. Что бы с ним ни происходило, он постоянно в движении. Словно принадлежит к породе собственных героических персонажей.

Но сегодня она прикасалась к нему, была совсем рядом и на какое-то мгновение видела его без маски, уязвимым, незащищенным. Она поняла, кто он на самом деле – человек с теплой душой.

– Я слышал, утром тут была какая-то ссора, – произнес отец. – Но он сидел в таверне в своем обычном углу и писал, так что, видимо, все хорошо кончилось. Когда он придет, надо будет поднажать на него с новой пьесой.

Анна взялась за каминную резную полку и уставилась на стреляющие язычки пламени. Роберт Олден сегодня придет к ним на ужин. Она не хотела видеть его так скоро после того, как перевязывала ему рану. Каково ей будет смотреть на него через стол и молчать о его тайне?

И как ей удержаться, чтобы не дотронуться до него?

– Отец... – начала было она, но в этот момент раздался стук в дверь.

– Я открою, – сказал Том и попытался выбраться из кресла.

Анна покачала головой:

– Нет, лучше я. Кажется, Мадж мудро нашла себе другое занятие.

Она сделала глубокий вдох и медленно направилась к двери, готовясь снова увидеть Роба и встретить его совершенно бесстрастно. Однако это был вовсе не Роб. В дверях стоял Генри Эннис – один из актеров труппы.

Он с улыбкой ей поклонился. Анна резко отстранилась, испытав неприятный и необъяснимый укол разочарования.

– Мастер Эннис, мы уже несколько дней вас не видели в «Белой цапле».

Улыбка Генри стала еще шире, он схватил ее за руку и поцеловал пальчики. Анна засмеялась. После Роберта Генри Эннис был самым красивым мужчиной в театре: худощавый блондин, он напоминал ангела, в отличие от Роба, темного, как сам дьявол. Генри слыл веселым шутником, легким и открытым, как ясное летнее небо, без всяких тайных глубин.

Анне всегда нравилась его компания. С ним она тоже начинала смеяться и забывала обо всех своих обязанностях и тревогах. Она не нервничала и не смущалась, как в присутствии Роба.

Помимо своего желания, она глянула через плечо Генри в темноту сада. Но там никого не было.

– Моя прекрасная Анна, – произнес Генри, когда она взяла его под руку, чтобы отвести в дом, – расставаться с тобой было невыносимо, но, поскольку в последней постановке для меня не было роли, я подумал, что лучше мне съездить и навестить родных. В последнее время я преступно редко их вижу.

– Родных? – удивилась Анна.

Живя странной, лениво-праздной жизнью Лондона, она часто забывала, что у актеров еще есть где-то семьи и другие родственные связи, а дом отца для них лишь временное пристанище.

Значит, у Роба тоже есть семья? Жена и синеглазые детишки, которые живут где-нибудь в уютной деревне?

– Мои мать с сестрой живут в Кенте, – сказал Генри. – Я не видел их много месяцев.

– В таком случае, надеюсь, ты застал их в добром здравии?

– Очень добром. Может, немного скучающими – им всегда не терпится услышать о Лондоне.

Анна лукаво улыбнулась:

– А особенно о твоих лондонских ухаживаниях. Наверняка твоей матери хочется понянчить внуков.

Генри печально рассмеялся, его красивое лицо чуть порозовело.

– Скорее всего. И мне бы так хотелось... – Он замолк и

отвернулся.

– Хотелось чего, Генри? Послушай, мы же друзья! Ты можешь мне рассказать?

– Мне бы так хотелось познакомиться ее с тобой, Анна. Мне кажется, вы бы с ней очень поладили, – смущенно договорил он.

Эти слова, сказанные тихим серьезным тоном, так ее поразили, что она резко остановилась прямо в дверях столовой. Генри хочет познакомиться ее со своей матерью? Но ведь их отношения – только дружба? Хотя он милый парень, такой симпатичный и добрый...

Она задумчиво посмотрела на него в тусклом свете чадающих свечей. Да, он красивый малый и так серьезно на нее смотрит. Наверное, дружба могла бы стать отличным началом. Дружить так приятно и безопасно – никакой угрозы ее спокойному существованию, тихой жизни, которую она так кропотливо выстраивала для себя.

Однако, глядя на Генри Энниса, она видела не его серые глаза, взирающие с осторожной надеждой. И не его руку она чувствовала под своей. Ей грезился дразнящий взгляд Роберта, когда она перевязывала ему плечо. Эти глаза пронзительно смотрели на нее, проникая прямо в душу, обнажая на мгновение его собственную. Она ощущала именно его теплую кожу.

Анна заставила себя рассмеяться и потянула Генри в столовую.

– Я не из тех женщин, что нравятся чьим-то матерям, Генри. И боюсь, я никогда бы не смогла уехать из города. После стольких лет в Лондоне деревенский воздух для меня слишком чист и сладок.

Генри, кажется, понял намек и весело рассмеялся, будто никогда и не был серьезен. А может, она и вовсе это себе вообразила. В конце концов, сегодня вообще очень странный и длинный день.

– А моя мать ни за что не поедет в Лондон, – сказал он. – Она уверена, что здесь на каждом углу рыщут злодеи, которые только и ждут, кому бы перерезать горло. Так что, скорее всего, у вас не получится познакомиться.

– И возможно, она права, что держится на расстоянии, – пробормотала Анна.

И вообще намного мудрее ее самой, живущей в самом центре этого пагубного мирка. Но у Анны не было желания уезжать отсюда, здесь ее дом, единственное место, которому она принадлежит. Тихий деревенский очаг – не для нее.

В дверь снова постучали. Анна оставила Генри с отцом, а сама заторопилась открывать. На пороге толпились другие актеры, много большим числом, чем говорил отец. Они ввалились веселой гурьбой, поприветствовали Анну радостными объятиями и поцелуями и заторопились в дом в поисках еды и выпивки. Похоже, приглашенные отцом «кое-кто» – театральная труппа в полном составе, вместе с ее неумным аппетитом и бесконечной жаждой вина.

Анна привыкла к таким вечерам. Отец был безгранично гостеприимен и совершенно забывал про такие бытовые проблемы, как готовка еды на всю компанию. Анна послала слуг принести из таверны еще еды и вина, и остаток вечера слился в одну сплошную круговерть: ей приходилось следить, чтобы на столе было вдоволь тушеного мяса и хлеба и всех хорошо обслуживали.

Наконец ей удалось присесть с кубком вина у огня в гостиной. Она положила ноги на специальную скамеечку, которую обычно использовал ее отец, и прислушалась к веселью в столовой. Том будет кутить до самого рассвета, а потом кто-нибудь из актеров дотащит его до постели.

Анна потянулась к корзине для шитья и вытащила новый томик стихов, который купила сегодня у собора Святого Павла. Он был из анонимного цикла сонетов о простом пастухе, глубоко полюбившем богиню с тех пор, как увидел ее во время омовения. Деметриус и Диана. Все только о них и говорили, и Анна понимала почему. Слова и чувства столь прекрасны, напоены чистым желанием и печалью о невозможности такой любви. Жизнь такая, какая есть, – одинокая и холодная, и от этого никуда не деться, даже с помощью страсти.

Анна совершенно потерялась среди засвеченных солнцем лесных полян, страстного желания и отчаянной потребности в другом человеке. Веселящаяся компания шумела все сильнее, а она видела перед собой только бедного пастуха и его

недостижимую любовь.

– Так-так, миссис Баррет, вижу, вы скрытый романтик, – внезапно произнес глубокий бархатистый голос, выдерживая ее из грез.

Книга выпала у нее из рук и с грохотом приземлилась на каменный приступок. Анна резко обернулась. В дверях гостиной действительно стоял Роберт и смотрел, как она читает. Он прислонился к косяку, лениво скрестив на груди руки. На губах играла слабая улыбка, но темные глаза смотрели очень серьезно.

И давно он стоит там?

– Вы меня испугали, – произнесла Анна, ненавидя себя за этот дрожащий голос.

– Мне жаль. Я этого не хотел, – ответил он.

– Я не знала, что вы здесь. Не слышала, чтобы кто-то стучал в дверь.

– Я только что пришел. Меня впустила Мадж.

Роб отшатнулся от двери и направился к ней медленной, обманчиво-ленивой поступью. Анна напряженно смотрела, как он присаживается рядом и поднимает выпавшую книгу. Затем очень нежно, едва касаясь, взял ее руку и бережно положил томик ей на ладонь. Но ее руку не выпустил. Согнул ее пальцы, заставил обхватить кожаный переплет и накрыл сверху своей рукой.

Ощущая легкое прохладное прикосновение, Анна знала, что может отстраниться, если пожелает. Но все же она не

могла. И, как завороченная, смотрела на их соединенные руки.

Он тоже смотрел на них, словно, как и она, чувствовал, как трепещет и растет между ними незримая связь, сближая все сильнее. Потрескивание огня, смех отцовской компании – все внезапно отдалилось. Сейчас существовали только они с Робертом.

– Понравились вам муки бедного Деметриуса? – спросил он.

– Очень, – прошептала она и уставилась на коричневую обложку в их соединенных руках. Она страшилась посмотреть ему в глаза. Вдруг растает и растворится в нем навсегда?

Какими чарами он ее заколдовал?

– Очень красивые стихи, – добавила она. – Я прямо вижу лучи солнца и летние лесные поляны, чувствую тоску Деметриуса. Как, должно быть, ужасно испытывать к кому-то подобное.

– Ужасно такого не испытывать, – ответил он. – Жизнь без страсти – пустая и холодная раковина.

Анна засмеялась. Видимо, не она одна «скрытый романтик».

– Думаете, лучше сгореть, чем замерзнуть? Страсть поглощает целиком, без остатка, пока не останется ничего, кроме пепла. Деметриус несчастен, потому что желает Диану.

– Верно. Но Диана не может ответить ему любовью по своей природе. А если бы могла, это была бы чудесная любовь

за гранью воображения. Даже безответная любовь чудесна, ведь, по крайней мере, Деметриус умеет любить. И это дает ему ощущение жизни.

Анна улыбнулась и осторожно приложила свободную руку к его щеке. Ладонь уколола отросшая за день щетина, а сама кожа была теплой и гладкой, как атлас. От прикосновения на его щеке дрогнул мускул.

– Полагаю, вы тоже скрытый романтик, Роберт. Завидуете пастуху?

Он улыбнулся и быстро повернул голову, поцеловав ее ладонь.

– В каком-то смысле. Он хочет чувствовать себя живым – по-настоящему живым – хоть на одно мгновение.

– Пока любовь его не убьет.

– Пока не убьет. Я вижу, вы посмотрели вдаль.

Анна откинулась в кресле, наконец забрав у него руку. Но, даже не прикасаясь к нему физически, она ощущала между ними незримую связь.

– Вы не чувствуете себя живым, Роберт? – спросила она.

Тот вновь опустился на каминный приступок, лениво оперся на локти и скрестил в лодыжках вытянутые ноги. Он переоделся с их утренней встречи: сменил мятую испачканную рубашку на новую и модную. Еще на нем был дорогой дублет цвета бургундского вина, с черными атласными прорезами на рукавах и рядами сияющих золотых пуговиц и бриджи из тонкопряденой шерсти. На ногах отличные испан-

ские сапоги, отполированные до блеска. В ухе – жемчужная серьга.

Он явно собирался поразить кого-то своим нарядом, и Анна подозревала, что не ее.

– Иногда мне кажется, что я уже мертв и лежу в могиле, – ответил он.

Правда, говорил легко и шутливо, но Анне показалось, что она слышит в глубине оттенок горечи – оттенок правды.

– Истинные, глубокие чувства Деметриуса для меня уже потеряны. Я могу лишь изобразить их на сцене.

– Да, – пробормотала она, – понимаю, о чем вы говорите.

Он склонил голову к плечу и изучающе посмотрел на нее:

– Правда?

– Да. В отличие от бедного пастуха моя жизнь не богата глубокими чувствами. Напротив, тиха и спокойна, можно даже сказать, холодна. Но я скорее предпочту замерзнуть, нежели сгореть в пламени.

– Из-за вашего мужа? – спросил Роберт, его голос звучал тихо и ровно, словно он боялся ее спугнуть.

Как будто вопрос о Чарльзе Баррете мог сейчас ее испугать. Его черная душа давно мертва и похоронена. Когда-то, прежде чем они совершили ошибку, вступив в брак, и все так ужасно изменилось, она желала его.

В то время чувства застигли ей разум, и она пошла неверным путем.

– Я больше такого не хочу, – твердо сказала Анна.

– Значит, вы теперь как Диана? – спросил он. – Смотрите на чувства и желания смертных с высоты?

Анна засмеялась:

– Я не непорочная богиня.

Внезапно в коридоре что-то загрохотало, и раздался взрыв пьяного смеха. Кто-то врезался в стену, сорвав с нее гобелен.

Роберт легонько прижал палец к губам и поднялся на ноги.

– Ш-ш-ш, – прошептал он. – Давайте выйдем ненадолго в сад, там они нас не увидят.

– В сад? – растерянно переспросила Анна.

Оказаться с ним наедине, в темноте ночи, в полном уединении? Это, конечно... соблазнительно.

Даже слишком соблазнительно. Кто знает, на что она окажется способна. Рядом с ним невозможно за себя ручаться.

Но он протянул ей руку, и она приняла ее.

– Сегодня такая красивая луна, моя Диана, – произнес он. – И мне что-то не хочется веселиться в компании.

Анна кивнула. Они прошли на цыпочках по коридору и вышли в ночную тьму. Как только они оказались снаружи, хриплые вопли – признаки кутежа – сразу превратились в далекий гул.

В саду, что располагался между домом и темным театром, стояла тишина и было полно теней, луну постоянно заслоняли проплывающие облака. Высокая каменная стена не допускала в город жизненный поток Соутворка – таверны и шум-

ные бордели, крики и вопли, кулаки и звон стали. Сейчас почему-то внезапно отдалилось все.

Анна опустила на каменную скамью и, чуть запрокинув голову, стала смотреть на бледную серебристую луну в иссиня-черном бархате неба. Уже почти полная, она бесстрастно взирала на безумие человеческого мира.

– Как красиво, – тихо произнесла Анна. – Кажется, можно смотреть бесконечно.

– Наша жизнь слишком суматошна, чтобы помнить о таких простых радостях, – ответил Роб. Он оперся ногой о скамью и обнял себя за колено – совсем рядом с ней, но все же не прикасаясь.

– У вас очень занимательная жизнь, да? – спросила она и сильнее вжалась в твердый холодный камень, чтобы не поддаться искушению и не прислониться к нему. – Вы пишете, играете на сцене, уворачиваетесь от настойчивых владельцев театров, встречаетесь с поклонницами и сражаетесь с их мужьями...

Роб засмеялся:

– Какого же вы обо мне отличного мнения. Я хочу, чтобы вы знали: я каждый день упорно тружусь, отрабатывая каждую монету, которую получаю. И если после окончания работы я хочу поразвлечься... что ж, жизнь слишком коротка, чтобы не искать удовольствий.

Анна с улыбкой посмотрела на него. Он преуспел в поисках удовольствий и, казалось, вкушал до последней капли

все, что находилось в бурном океане жизни. Интересно, каково это – хоть на мгновение пуститься в свободное плавание, забыть об обязанностях и просто...

Она боялась, что цена даже одного мгновения будет слишком высока. Но как же это заманчиво! Особенно когда он вот так на нее смотрел в мерцающем лунном свете.

– Наверное, временами нам нужно делать перерыв и смотреть на звезды, – сказала она. – Просто чтобы не забывать, как они сияют.

– В городе их почти не видно, – заметил Роб. Он сел рядом на скамью, чуть задев Анну плечом. Он лишь присел около нее, а она остро почувствовала его упругое, стройное тело, ощутила через одежду тепло его кожи и исходящую от него силу.

– Я нигде, кроме Лондона, не жила. Во всяком случае, долго, – сказала Анна. – И не знаю другого неба.

– В юности я жил в деревне, – произнес Роб. Его голос звучал в темноте очень тихо, словно издалека. Где-то, где она не могла его увидеть или добраться.

– Правда?

– Правда. Летними ночами я часто выскальзывал из постели и бегом спускался к реке, где были только вода, небо и прекрасная тишина. Я выходил на берег, ложился в высокую траву и, глядя на звезды, придумывал истории о других мирах и удивительных странах.

Анну восхитила эта маленькая картинка из прошлого Ро-

ба, его скрытой души. Раньше она как-то не думала, что он тоже был когда-то ребенком. Казалось, он сразу появился на свет взрослым и ступил на сцену, вооруженный стихами и шпагой.

– Ваша мать, должно быть, была в отчаянии от таких побегов, – сказала Анна.

На его губах промелькнула привычная беззаботная улыбка. И сразу исчезла.

– Совсем нет. Моя мать умерла, когда я был маленьким. Какое-то время с нами жила тетя, но ее не волновало, где и как мы проводили время, если мы не пачкали ее начищенные полы.

– Ох. Мне очень жаль.

– О чем вы сожалеете, прекрасная Анна?

– Что вы потеряли мать таким маленьким. Моя мать умерла, когда мне было три года.

Роб пристально посмотрел на нее, и Анна почувствовала, как жарко вспыхнули ее щеки. Она порадовалась тому, как в саду совсем потемнело – луна почти целиком скрылась за облаками.

– Вы ее помните? – спросил он.

Она покачала головой:

– Не слишком хорошо. Только как она пела мне колыбельные. И еще иногда мне кажется, что я помню ее прикосновение к моей щеке или запах ее духов. Отец говорит, она была очень красивой и доброй, ни одна леди с ней не сравнится.

Он поэтому больше и не женился. – Анна засмеялась. – Так что я мало от нее унаследовала – ни красоты, ни доброты!

– Не могу согласиться. Во всяком случае, насчет красоты, – сказал Роб. Его привычная манера легкого флирта разрушила мимолетный момент близости.

– Я не добра?

– Доброту очень переоценивают. Живость – вот что мужчина ищет в женщине.

Анна подумала о рыдающей шлюхе в рваном платье. Она не выглядела особенно оживленной, но Анна не видела ее до ссоры. Возможно, ночью она и была такой.

Неужели все случилось только этим утром? А казалось, прошло уже много дней.

Сама того не желая, она внезапно ощутила прилив радости оттого, что он разглядел в ней живость и красоту. При этом она отлично понимала, что это всего лишь флирт – ничего не значащие слова, которые он, несомненно, уже не раз говорил женщинам. Вот только свой девичий задор она давно потеряла. Он давно уже погребен в реальном мире.

– Живость может навлечь неприятности, которых она не стоит, – серьезно сказала Анна. – К примеру, как ваше плечо?

В ответ он согнул руки, словно проверяя их на прочность. Под тонкой тканью дублета взбугрились мышцы.

– Лучше, благодарю вас. Моя сестра милосердия знала свое дело.

Анна думала, что он скажет что-то еще, объяснит, как его ранили, но он промолчал. Молчание, мягкое и тяжелое, как сама ночь, окутало их, словно покрывало. Она позволила себе немного придвинуться и даже не отстранилась, когда его рука легонько обвила ее плечи.

– Расскажите о тех мирах, что вы видели за звездами, – попросила она. – Расскажите, каково было убежать к ним.

– Убежать? – повторил он. Она чувствовала, как он смотрит на нее в темноте: внимательно, напряженно, словно хочет узнать все ее тайны. – А от чего хотите убежать вы?

«От всего», – хотелось ответить Анне. Она испытывала сильнейшее желание хоть на минуту перестать быть собой, сбежать от своей обыденной жизни, обыденной самой себя. И еще ей хотелось, чтобы он тоже перестал быть собой. Чтобы они ничего не знали друг о друге. И о мире за пределами сада.

– Скорее, я хочу убежать к чему-то, – сказала она. – К чему-то прекрасному, чистому, доброму. И мирному.

– И красивому? – предположил он. – Да, думаю, тоже всю свою жизнь ищу что-то подобное.

Анна вдруг почувствовала на щеке его легкое прикосновение. Оно казалось совсем невесомым, но кожа словно вспыхнула искорками. От неожиданности она отшатнулась, но он не позволил ей отстраниться. Его ладонь накрыла ее щеку с такой осторожностью, словно она была из тончайшего фарфора, и Анна невольно подалась к нему.

Медленно и дразняще его рука скользнула ниже, к атласной ленте, обрамлявшей вырез. Не спуская с нее потемневших глаз, он легонько поиграл этой лентой. Он даже не коснулся мягкой выпуклости, что выглядывала из скромного немодного декольте, но Анна все равно задрожала. Она чувствовала себя натянутой струной. Казалось, она рассыплется на куски, если он ее не коснется.

– Почему вы всегда носите серое? – спросил он, покручивая пальцами ленту.

– Мне... мне нравится серый, – прошептала она. – И его легко держать в чистоте. – И в сером легко слиться с окружающим. Самый подходящий цвет для женщины, которая все время спует за сценой.

– В моем звездном королевстве вы бы носили белый атлас и синий бархат, усыпанный жемчугом и расшитый сияющей серебряной нитью.

Он провел рукой по длинной прядке, что выбилась из ее прически и легла на плечо. Анна чувствовала его теплое прикосновение.

– А ваши волосы были бы увиты лентами и нитками драгоценностей.

Анна неуверенно засмеялась:

– Это было бы не слишком практично, учитывая, что я занимаюсь хозяйством. Я бы вечно за них зацеплялась и пачкала.

– Да, но в моем королевстве вы бы этим не занимались. Вы

были бы королевой всего, что только можно увидеть, сидели на золотом троне, а все слуги сбивались с ног, только чтобы исполнить ваше желание.

– Золото, серебро и жемчуг? – повторила она, зачарованная его прикосновением, его словами. – А знаете, мне очень нравится ваше королевство.

Он запустил пальцы ей в волосы и притянул ближе, так близко, что она почувствовала шепот его дыхания. Потом обхватил ладонью ее затылок, удерживая голову.

– Вы всего этого заслуживаете, – произнес он.

Легкомысленность исчезла, он смотрел и говорил очень серьезно. – Ваша жизнь должна быть иной, не соутворковской.

У Анны защипало в глазах, она побоялась, что сейчас заплачет. Но она не могла – не здесь, не с ним! Она и так чувствовала себя слишком открывшейся и уязвимой. Хотелось отвернуться, но он ей не позволил. Он держал ее не больно, но крепко.

– Вы ничего не знаете о моей жизни, – произнесла она.

– Я – поэт, Анна, – ответил он. – Мой удел все подмечать, даже то, что я предпочел бы не видеть. А я вижу, вы печальны...

– Я не печальна!

Она не станет печалиться, пока это зависит от нее. Печаль, гнев, любовь – чувства приносят только неприятности. Она предпочитала покой.

– Печальны, прекрасная Анна. – Он притянул ее к себе так близко, что они легонько соприкоснулись лбами. Она закрыла глаза, но он все равно был рядом – и очень близко. – Я вижу, и это меня печалит. Мы оба слишком многое видим, слишком многое чувствуем. Просто не хотим этого признавать.

Нет, ничего подобного! Она не хочет этого знать, слышать. Она снова сделала попытку вывернуться, но Роб внезапно наклонил голову и поцеловал чувствительное местечко чуть ниже уха. Она ощутила легкое прикосновение его языка.

Анну захлестнула горячая, обжигающая волна. Она ахнула и вцепилась в его дублет, сминая дорогой бархат в отчаянной попытке удержаться на ногах.

Она сдалась под натиском головокружительного водоворота желания, закрыв глаза и откинув голову. Жаркий открытый рот медленно скользил по шее, легонько прикусывая кожу в районе плеча.

– Роберт! – вырвалось у нее, и его руки сомкнулись у нее на талии.

Он посадил ее себе на колени, и их губы встретились. Она ощутила грубый, настойчивый натиск его рта.

Никогда еще Анна не чувствовала такой странной слабости. Внутри поднималось что-то глубинное, древнее, подчиненное инстинктам. Оно вытесняло все вокруг, и теперь она видела и чувствовала только Роба. Только его поцелуй.

Она ощутила давление его языка и раскрыла губы. Он принес с собой вкус вина, и мяты, и еще чего-то темного и глубинного, чего она так сильно хотела. Словно пытаясь его удержать, Анна обняла Роба за шею и почувствовала грубоватый шелк его волнистых волос.

Их языки встретились, и Роб глухо застонал. От этого горлового звука ее желание многократно усилилось, она просто обезумела. Он был поразительно живым, самым живым из всех, кого она когда-либо знала, и ей отчаянно захотелось испить его жизненной силы. На какое-то мгновение он дал и ей почувствовать себя живой – освободившейся от своего спокойного, застывшего существования, но ее испугали собственные чувства. Она буквально утонула в нем.

Анна напряженно застыла, и Роб, казалось, уловил ее внезапный страх. Он оторвался от ее губ, и в этот момент облака сдуло ветром. Серебро лунного света осветило его лицо, отбросив угловатые тени. На секунду он оказался перед ней как на ладони, и она увидела в его глазах ужас, словно он только что осознал, что делает. Кого целует.

На нее обрушился ледяной холод, страсть превратилась в холодный пепел.

Что она наделала? Как он мог сказать, что знает ее, когда она даже сама себя не понимает?

Она оттолкнула Роба и поднялась с его коленей, чувствуя, как по телу скользят его руки. Без его объятий Анна сразу же задрожала, понимая, что должна бежать от него.

Если бы только она могла убежать и от себя. Она помчалась к дому и не остановилась, даже услышав, как он зовет ее. Ворвалась в дом, пронеслась мимо столовой, где до сих пор шла пирушка, и взбежала по узкой лестнице к себе в спальню. Захлопнула и заперла на засов дверь, словно это могло помочь.

Спотыкаясь, прошла мимо своей кровати под балдахином, которую уже расстелила горничная, и подошла к окну. Его открыли, чтобы впустить в комнату свежий ночной воздух, и Анна видела внизу сад, полный теней и секретов.

Роба там уже не было. Каменная скамья пустовала. Может, он тоже сбежал от того, что вдруг вырвалось между ними на свободу?

Правда, она не представляла себе Роба Олдена, который от чего-то сбегает. Он, как никто другой, всегда шел навстречу опасности.

Анна закрыла окно и медленно опустилась на пол, юбки легли вокруг неровным кольцом. Она прижала к глазам ладони, стараясь изгнать из памяти эту ночь. Скоро уже рассветет, наступит новый день с обычными обязанностями. Скоро она сможет затеряться в суматохе жизни, и все случившееся покажется ей сном. Глупым сном и мечтой.

Так все и должно случиться.

Глава 5

«И это прекрасный удел, этот рай – ничто в сравнении с вашим... с вашей...»

Роб уставился на чернильные буквы, его накрыла тяжелая волна гнева. Не то, все не то – этим утром нужные слова просто не шли на ум, находясь взаперти, пленниками за непроницаемой стеной. Сегодня не будет нежных слов о любви. Не от него.

Гнев сжигал все на своем пути. Гнев и некое чувство, которое он раньше никогда не испытывал и презирал, – чувство вины. Совесть, которой, как он считал, он не имеет, не может себе позволить, сейчас колола не хуже наточенного кинжала.

– Раны Христовы! – выругался он и бросил перо.

Чернила забрызгали разложенные на столе бумаги, запятели только что начертанные слова. Последнее, о чем он может сегодня думать, – это работа.

Все его мысли занимала Анна Баррет – и это стало причиной безумного гнева.

Роб откинулся на спинку стула и размял руку; испачканные чернилами пальцы затекли от стараний записать слова нежности и любви, которой никогда не существовало. Он вспомнил, как эта рука прошлой ночью касалась Анны и как он, не удержавшись, отдался во власть сладостного искушения ее мягких волос и благоухающей кожи.

Вспомнилось, как он пробовал ее на вкус, когда их губы слились воедино, словно сладкий созревший фрукт для изголодавшейся плоти. В тот миг все вокруг словно исчезло, будто на свете остались только они двое. И он растворился в ней. Самообладание, от которого зависела его жизнь, исчезло в одно мгновение, и он испытал отчаянную потребность в Анне.

Хотел ее, нуждался в ее нежности, и, будь они в тот момент в спальне, он бы задрал ее юбки и взял в порыве отчаянного желания.

Благодарение звездам, они стояли в нескольких футах от дома, где было полно людей. Что, должно быть, и привело Анну в чувство, и она его оттолкнула.

Чистый шок, отразившийся у нее на лице, пробудил Роба от чувственного сна. При воспоминании об этом гнев усилился, правда, Роб не понимал, на кого сердится, на себя или на Анну. Вот если бы сейчас подвернулась хорошая драка! Сражение стерло бы, уничтожило бурлящий поток эмоций, и он смог бы забыться. На какое-то время.

Роб оттолкнулся от стола так резко, что стул загромыхал на неотесанном полу. Он отпихнул стул с дороги, подошел к окну и толчком распахнул раму, впуская первые утренние лучи.

Он снимал комнату на верхнем этаже таверны под названием «Три колокольчика», с нее открывался вид на глухие улочки соуторкских предместий. Его жилище возвышалось

даже над свесами почти соприкасающихся крыш близлежащих домов, что давало больше воздуха и света, чем в сырых комнатах этажом ниже, а это хорошо, учитывая долгие часы, проводимые им в уединении за сочинительством. Зловоние грязных улиц немного отдалялось, и он мог работать. Это было пусть маленькое и неотесанное, но его убежище.

Вот только сегодня ему было здесь не укрыться. Убежище превратилось в тюрьму, заточившую его наедине с неожиданными чувствами и желаниями. Он желал Анну Баррет – и только ее.

Роб уперся руками в побитый оконный притвор и глянул вниз, в переулок. Но перед глазами у него стояли не фланирующие барышни и не пьяницы, плетущиеся домой после ночной пирушки. Анна заняла все его воображение. Ее полные розовые губы, влажные от его поцелуев, и глаза-изумруды, ошарашенные и широко раскрытые. И тело, такое нежное и прильнувшее.

Анна Баррет – самая колючая, самая отстраненная из всех известных ему женщин – таяла в его объятиях. Ввергла его в душевный раздрай, с которым, как он считал, давно справился. Кто бы мог подумать, что такое возможно? У того, кто вершит человеческие судьбы, явно есть чувство юмора.

Это явилось для Роба сюрпризом, а ведь он думал, уже ничто в этой жизни не сможет его удивить. И что одиночество очень соблазнительно.

Но он не может поддаться искушению – ни самой Анны,

ни чего-либо с ней связанного. Узнай она правду о его занятиях в «Белой цапле», она бы лично кастрировала его ржавой саблей и выбросила лишнее в Темзу.

Роб повернулся спиной к яркому солнцу, что поднималось над остроконечными крышами, и стянул через голову мятую, всю в чернилах рубашку. День быстро вступал в свои права, и ему нужно было работать.

О, если бы только его работа была хоть вполовину приятна, как вчерашняя прогулка по саду. Он, не задумываясь, встретился бы с любой опасностью, если бы впереди его ждала такая награда.

Но именно легкомыслие, импульсивность и желание получить удовольствие любой ценой привели его к нынешнему положению. Это всегда было слабостью семьи Олден.

Поливая лицо и грудь холодной водой из таза, он думал о своей семье. Обычно он не позволял себе к этому возвращаться. Бессмысленно и глупо вспоминать о том, что было до лондонской жизни, до Соутворка. То время ушло, и он сам сделал выбор. Прошлого не вернуть. Узнай родители, чем он сейчас занимается, они бы от него отреклись. Короткое заключение в тюрьму после очередного поединка открыло во всей красе, во что превратилась его жизнь и как далека она от той, прошлой. Он, несомненно, стал бы для родителей разочарованием.

Но его сестра – милая Мэри, которая ушла от него уже давно, – все еще была с ним. Порой он почти чувствовал

за плечом ее печальную душу. Это память о ней толкала его вперед, поддерживала и не давала погибнуть среди всех опасностей и легкомысленных выходов. Он должен сделать это ради нее. Должен добиться задуманной цели и только после этого успокоиться.

Это стремление и вело его вперед. Он не позволит Анне Баррет ему помешать, не важно, насколько хороша она в поцелуях и как сильно он ее хочет.

Роб с силой растер лицо грубым полотенцем, словно хотел стереть вчерашнюю ночь и чувства, которые она всколыхнула в его давно похолодевшей душе. Стереть все. К сожалению, это невозможно, но так он, по крайней мере, будет выглядеть более респектабельно. Как человек, занимающийся важными делами.

Он натянул чистую рубашку и потянулся за своим лучшим дублетом красного бархата с золотыми пуговицами. Он надевал его прошлой ночью, и теперь дублет валялся на смятой постели, до сих пор источая аромат роз и самой Анны, их вчерашней близости.

– Ах, чтоб тебя, – пробормотал он и отбросил дублет в сторону. Другой лучший дублет – из темно-пурпурного бархата и черной кожи – был строже предыдущего. Так даже лучше, учитывая, куда он направляется.

Роб быстро оделся, пригладил волосы и потянулся за коротким черным плащом и пачкой бумаг.

Он должен появиться на Ситтинг-Лейн еще до вечера.

– Анна, дорогая, ты не заболела?

– Что? Что ты сказал? – переспросила Анна, продолжая смотреть в окно, где было по-утреннему светло, вдали по улице медленно передвигались пешеходы – все казалось таким обычным. Те же самые деревья и разросшиеся кустарники, которые она видела каждый день. Как в таком знакомом месте ее могли полностью захватить мечты и фантазии? Даже под покровом ночи.

Она до утра не могла заснуть, пытаясь решить столь изощренную задачу.

– Я только сказал, что ты сегодня утром какая-то рассеянная, – пояснил отец. – Ты сейчас прольешь пиво.

Анна глянула вниз – она разливала некрепкое пиво по глиняным кубкам – и с ужасом поняла, что действительно начинает лить через край. Она быстро поставила кувшин на стол и потянулась за полотенцем, чтобы стереть капли.

– Какой стыд, – пробормотала она. – Прости, папа. Сегодня я действительно чувствую себя немного усталой.

– Садись и съешь хоть немного хлеба, – сказал Том, пододвигая ей блюдо с хлебом и сыром. – Не стоило вчера приглашать столько народу на ужин. Мы уж слишком припозднились.

«Да, не стоило», – мысленно согласилась Анна и равно-

душно взяла кусок хлеба. Может, тогда бы она провела спокойный вечер наедине с книгой, а не бродила по темному саду с Робертом Олденом, как последняя идиотка.

Она почувствовала, как загорелись щеки при воспоминании об их поцелуе, о том, как она упала к нему на колени и вцепилась в него, словно тонула, а он был ее единственным спасителем. Но во всем этом была какая-то неизбежность, словно они – персонажи какой-то пьесы с predetermined судьбами. Между ними уже давно росла какая-то неясная связь, потребность друг в друге. Связь, которой она не понимала и не хотела.

Она сделала большой глоток пива. Может, это и к лучшему. Все уже произошло и осталось в прошлом, теперь они могут обо всем забыть.

А что, если еще не совсем в прошлом? Что, если это снова случится и она опять поведет себя как распутница?

Анна чуть не засмеялась при этой мысли. Распутница или нет, она знала, что за Робом гонятся толпы женщин – и винчестерские гусыни, и изысканные придворные дамы. Она постоянно видела их в «Белой цапле», кроме того, его воздыхательницы с сияющими глазами и низкими декольте всегда кружили вокруг сцены. Ему уж точно не до такой невзрачной вдовы, коей является она.

Ей надо просто его забыть – мысленно превратить вчерашнее сумасбродство в безумный сон и двигаться дальше. Ничего сложного.

Вот только это не так просто, даже при свете дня.

– Дальше у нас будут тихие, спокойные вечера, – пообещал отец. – Больше никаких поздних ужинов. Я могу пойти в таверну и там почитать актерам новые пьесы.

– Приглашай их к нам, когда тебе хочется, в любое время, – сказала Анна и снова наполнила себе кубок, на этот раз внимательно проследив, чтобы не пролить ни капли. – Я не против.

– Я не хочу добавлять тебе лишних забот, моя дорогая. Ты и так столько на себя взвалила. Может, нам съездить за город отдохнуть?

– Отдохнуть за городом? – изумилась Анна. Ее отец был закоренелым лондонцем, родился и вырос здесь. Грязные воды Темзы у него в крови. Ему бы никогда не пришло в голову поехать за город отдыхать.

– Именно так. Мне кажется, тебе нужен отдых, кроме того, скоро придет жара. И потом вдруг снова нагрянет чума?

– Не нагрянет.

Но вот сама загородная поездка, свежий воздух и длинные спокойные прогулки – почему бы и нет? Побывать вдали от театра и Роба Олдена. Такая перспектива показалась ей очень заманчивой. Но...

– Но у меня слишком много работы, чтобы уехать.

Томас пожал плечами:

– Как скажешь. Просто подумай об этом, моя дорогая. Нам обоим смена обстановки пошла бы на пользу, особенно

сейчас.

Анна засмеялась:

– Да ты же в деревне умрешь со скуки! Откуда это внезапное желание покинуть Лондон? – Внезапно ее охватили неприятные подозрения. – У тебя какие-то неприятности?

– Что?! Конечно нет! – взревел тот, но его грубые морщинистые щеки стали пунцовыми, и он не встречался с ней взглядом. – Как тебе только такое пришло в голову? Когда это у меня бывали неприятности?

«Постоянно», – подумала Анна. В Соутворке неприятности поджидали на каждом углу, особенно таких, как ее отец, – людей, которые занимаются делами на не самых чистых улицах. Но раньше он никогда не порывался отсюда сбежать. Казалось, он получает удовольствие от подобной жизни. Точно так же, как Роберт.

– Я подумаю над этим, – сказала Анна. – В жаркую погоду у нас меньше зрителей. Но сейчас я должна заняться делами.

Отец кивнул, кажется несколько успокоившись. Правда, на лице у него до сих пор играл виноватый румянец.

– Чем ты сегодня занимаешься, дорогая?

– Сегодня крайний срок платить за аренду, а несколько арендаторов до сих пор нам ничего не дали. Я собираюсь лично нанести им визит. Тебе придется присмотреть за репетицией в театре, иначе артисты все утро будут болтаться без дела.

Отец снова кивнул, но она боялась, что он скорее будет

прохлаждаться вместе с ними. Она поднялась со стула и поцеловала его в лысеющую макушку. Старый повеса... как же она его любит, несмотря ни на что! Он был для нее единственным родным человеком, а она – для него. Она обязана о нем позаботиться.

– Я вернусь после обеда, – пообещала она. – Ни о чем не волнуйся.

Он ласково похлопал ее по руке:

– Я и не волнуюсь, дочка. Пока ты здесь, мне не о чем волноваться.

Анна покинула столовую и поднялась к себе, чтобы захватить шляпку и шаль. Прикалывая к аккуратной прическе серую шляпку с высокой тульей, она поймала в маленьком зеркале свое отражение. Обычно она бросала в зеркало лишь беглый взгляд, но сегодня засмотрелась подольше, изучая свое бледное лицо.

Ее отец всегда говорил, что она очень хорошенькая и похожа на свою мать, но сама Анна так не считала. Она видела разряженных придворных леди с золотыми локонами и розовыми щечками, белоснежной грудью и усыпанным драгоценностями корсажем. Как ими восхищались мужчины! Она понимала, что она совсем не такая. У нее темные и прямые волосы, правда густые и длинные. Глаза излишне раскосые, слишком острый подбородок. Худая и бледная и, как указал Роб, всегда носит простые серые платья. Губы довольно красивые, но слишком часто сжимаются в тонкую ниточку от

беспокойства.

Она не из тех красавиц, на ком задержит взгляд такой прекрасный дьявол, как Роберт.

– Наверняка прошлой ночью он сильно перебрал эля, – произнесла она вслух и покрепче засадила шпильку. И она сама, наверное, тоже – или опьянела от лунного света и слов Роба в редкий момент истины, когда он поделился с ней своим прошлым.

Но то было прошлой ночью. Сегодня новый день, и ее ждет работа.

Анна набросила на плечи шаль и потянулась за своей рыночной корзинкой. Спустившись вниз, она обнаружила, что отец все еще сидит за столом со своим пивом. Он выглядел непривычно грустным и погруженным в себя. Без сомнения, у него что-то случилось. Но у нее не было времени разгадывать эту загадку. Мужские секреты подождут. Сегодня ей предстоит заниматься фунтами и пенсами, в которых она разбиралась.

«Эти мужчины! – возмутилась она про себя. – Мне их никогда не понять».

* * *

Анна уже почти подошла к своему первому месту назначения – публичному дому матушки Нэн, как вдруг заметила в толпе Роба. Он выделялся своим высоким ростом, а перья

на шляпе трудно было не заметить. Ее сердце вдруг забилося быстрее.

У нее не было времени подготовиться к встрече с ним после прошлой ночи, она испытывала неуверенность и смущение. Она терпеть не могла этих чувств. Как он посмел нарушить ее душевный покой?

И как смеет ее даже не замечать?

Анна прижалась к побеленной стене, чтобы Роб ее не увидел, и стала смотреть, как он быстро идет по дороге, даже не глядя по сторонам. Снующие вокруг люди, переругивающиеся компании, человеческие сплетения – все перед ним расступались, как перед коронованной особой. Его не толкали, не хватали за руку, не подсовывали товары, никто не осмеливался его ограбить. Просто невероятное зрелище.

А сам Роб, казалось, всего этого не замечал, потерявшись в своих мыслях. Брови нахмурены, на лице застыло мрачное выражение. Ни малейшего намека на привычную беззаботную веселость, только какая-то важная цель, толкавшая его вперед.

Куда же это, интересно, он направляется? Анна невольно заинтересовалась. В ее мире любопытство не приветствовалось. В их окрестностях лучше было интересоваться только своими делами, да и то это не всегда спасало. А Роб, казалось, обладал свойством приносить с собой неприятности.

– О, что я творю? – прошептала Анна, тем не менее следуя за ним, словно ноги ей больше не повиновались, стараясь не

упускать из виду перья на шляпе. Только надо быть очень осторожной, чтобы он ее заметил.

Она никогда не видела Роба таким серьезным и целеустремленным, таким погруженным в себя. У него большие долги или он замысливает преступление? А может, он собирается продать свою новую пьесу другому театру, прямо перед носом у отца?

Миновав толпы людей и запруженные магазины, они свернули на улицу, что пролегла вдоль речного берега. К счастью, она не была пустынно, что позволяло Анне прятаться и оставаться незамеченной. Лодочники зазывали на переправу пассажиров, им вторили торговцы рыбой, предлагая свежий улов.

Роберт быстро продвигался вперед, и Анне пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать. Они миновали какие-то склады, сгрудившиеся дома торговцев. Показался Лондонский мост с головами казненных, которые слепо взирали со своего насеста на человеческую толкотню. Роб пошел по громадному сооружению, и Анну внезапно пробрал озноб, она поняла, куда он направляется – к молчаливой каменной громаде Тауэра.

Она отпрянула при виде этого зрелища: толстые высокие стены, ворота, висящие знамена и вышагивающие стражи. Она никогда не бывала в Тауэре, но слышала ужасающие рассказы о том, что случилось за его глухими стенами. Боль, кровь и страх, разыгрываемая в трагедиях месть здесь про-

исходили в реальности, и большая часть тех, кто оказывался внутри, больше оттуда не возвращалась. Даже со своего безопасного расстояния она чувствовала его ледяное, липкое прикосновение.

Какие дела могут быть там у Роба? В голову приходило только одно – он совершил что-то, за что его сейчас арестуют. Актеры часто ввязывались в драки и оказывались в тюрьме, а Роб, по слухам, однажды уже сидел в брайдуэллской. А добровольно в Тауэр не войдет ни один человек, даже такой рискованый смельчак, как Роб Олден.

Анна быстро взошла на мост и поднялась на цыпочки, выглядывая его шляпу. Наконец ей удалось заметить знакомые перья, и она, к своему облегчению, поняла, что он не свернул к темной громаде Тауэра, а продолжает идти вдоль реки, только теперь уже по другому берегу. Она побежала за ним, лавируя между прохожими, чтобы не упустить его из виду в лабиринте запутанных улочек у самых стен Тауэра.

Он миновал торговые лавки и дома, даже не взглянув на них. Постепенно дома становились все менее скученными, все чаще попадались большие сады, и дома стояли все дальше от дороги. Наконец Роб добрался до своей цели – бывшего картезианского монастыря. Когда-то здесь был целый комплекс монастырских зданий, огромная территория с церквями, столовыми помещениями, скрипториями,⁴ амбарами и кладовыми. Сейчас здесь располагались большие дома, мол-

⁴ Скрипторий – мастерская по переписыванию рукописей.

ча взирающие из-за своих новых ворот.

У одного из этих домов – высокого здания из кирпича и камня, с поблескивающими окнами и окруженного респектабельной тишиной, Роб наконец остановился. Он оглянулся через плечо, и Анна нырнула в ближайший дверной проем. Потом осторожно выглянула из-за двери и увидела, что он стучит медным дверным кольцом по тяжелой кованой двери. Ему открыл слуга в траурно-черной ливрее, торжественно-серьезный, под стать самому дому.

– Он ждет вас, мастер Олден, – произнес он и провел Роберта в дом. Дверь за ними закрылась, и дом снова стал единым целым, поглотив Роба не хуже самого Тауэра.

Анна с растущим беспокойством уставилась на запертое здание. Что это за дом? И какие у него там дела? Ее терзали нехорошие предчувствия.

Внезапно в одном из окон верхнего этажа она увидела женское лицо. Створки легко раскрылись, и обитательница дома выглянула на улицу. Это была бледная изящная женщина с лицом в форме сердца, довольно красивая. Ее русые волосы покрывал кружевной чепец, а над шелковым платьем поднимался жесткий накрахмаленный воротник. Дорогие кольца с драгоценными камнями поблескивали в редких лучах солнца.

Анна узнала ее. Эта дама иногда посещала «Белую цаплю» и сидела на верхних ложах вместе со своими изысканными придворными друзьями. Фрэнсис, графиня Эссекс –

жена одного из величайших королевских фаворитов и дочь грозного Уолсингема, государственного секретаря Англии, чье имя наводило ужас на любого жителя Соутворка.

– О, Роберт, – прошептала Анна. – Во что же вы снова ввязались?

Глава 6

– Пожалуйста, подождите, мастер Олден. – Строгий слуга указал Робу на скамью у стены пустого коридора. – Государственный секретарь вас примет.

– Я думал, он давно меня ждет, – удивился Роб, но слуга только фыркнул и заторопился прочь. Роб сел на скамью. Заставлять посетителя ждать – жест, без сомнения рассчитанный на то, чтобы гости этого дома на Ситтинг-Лейн занервничали.

Он бывал здесь много раз, видел и слышал очень непростые, тревожные вещи. Но все равно каждый раз ему хотелось быстрее уйти отсюда.

В доме было прохладно и сумрачно, пахло дорогим свечным воском, чернилами и лимонной полиролью. Гладкие деревянные полы безукоризненно чисты, а стены так и сияли белизной. Леди Уолсингем считалась очень внимательной хозяйкой.

Однако здесь чувствовался горький запах каких-то трав и крови. Следовательно, Уолсингем болен – тем более учитывая тревожения из-за угрозы испанского вторжения годом раньше. Но ни разгром Непобедимой армады,⁵ ни болезнь, по слухам, ничуть не умалила энергичности этого чело века.

⁵ Непобедимая армада – большой военный флот Испании.

Он, как всегда, все держит под контролем. Ни один уголок Англии не мог укрыться от его ловких сетей. И ни одна ниточка этой сети, даже такая незаметная, как Роб, не могла от него ускользнуть.

Он сдернул шляпу и провел рукой по волосам – единственный способ защитить дорогих ему людей от опасности. Он всегда это знал. Но в последнее время ему давалось это все тяжелее и тяжелее.

Особенно когда он думал об Анне Баррет, вспоминая ее яркие, сияющие глаза...

– Мастер Олден, вы можете пройти к моему отцу, – раздался мягкий, нежный голос.

Роб прогнал видение Анны и, подняв глаза, увидел дочь Уолсингема, она стояла в открытом дверном проеме и наблюдала за ним. Ее изысканное платье и драгоценности поблескивали в полумраке.

– Леди Эссекс. – Роб поднялся на ноги, чтобы поклониться. – Я не знал, что вы сегодня навещаете своего отца.

– Я приезжаю, как только выдается такая возможность. Я нужна ему. – Она повела Роба по коридору и затем по винтовой лестнице, под взглядами портретной галереи во всю стену. – Не позволяйте ему вас слишком задерживать. Ему обязательно нужен отдых, сколько бы он этим ни возмущался.

– Я постараюсь закончить как можно скорее, миледи, – ответил Роб. Он не испытывал ни малейшего желания оставаться в этом доме дольше необходимого.

Она глянула через плечо и послала ему быструю улыбку.

– Нам с моими друзьями так понравилась «Мечь герцогини». Мы считаем, что это лучшая ваша пьеса.

– Благодарю вас, леди Эссекс. Я рад, что вы получили удовольствие.

– Ваши пьесы всегда его доставляют – особенно сейчас, когда так хочется отвлечься. Когда нам ждать новую постановку?

– С Божьей помощью, совсем скоро.

Когда его работа на Ситтинг-Лейн подойдет к концу.

– Не позволяйте моему отцу вас отвлекать. Мы с нетерпением ждем новую пьесу. Никогда об этом не забывайте.

Они остановились на лестничной площадке, леди Эссекс открыла дверь и, шурша юбками, покинула Роба. Он медленно вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Комната, в которой решались почти все государственные дела, была на удивление маленькой, тесной и почти без мебели. Все возможные поверхности и даже кое-где пол заставлены стопками бумаг и конторскими книгами.

Секретарь Уолсингема, мастер Филлипс, – желтолицый человек в очках – сидел у окна, с головой уйдя в работу шифровальщика. Сам же госсекретарь – в углу за своим столом, перед ним лежало распечатанное письмо.

– Мастер Олден, – спокойно произнес он. Его тон всегда был ровным, говорил ли он о погоде или бросал изменника в Тауэр. – У вас есть для нас что-нибудь новое?

– Ничего, что можно подтвердить доказательствами, – ответил Роб. – Но работа движется.

Уолсингем побарабанил пальцами по письму и поднял покрасневшие усталые глаза.

– Вы работали, когда принимали участие в той маленькой заварушке у «Белой цапли»? Ссора из-за шлюхи, как я слышал.

– Вероятно, да. Мне пришлось срочно придумывать оправдание моего присутствия, чтобы скрыть кражу вот этого. – Роб вынул маленький свернутый пакет документов и передал его через стол.

Уолсингем взглянул на документы:

– Шаг в правильном направлении. Но нам пока еще неизвестны имена изменников из труппы «Слуги лорда Хэншоу». Мы лишь знаем, что они передают испанским шпионам зашифрованные сведения через пьесы и тому подобное. У вас ведь, несомненно, уже все готово, чтобы разоблачить их?

Роб прямо посмотрел на Уолсингема. Он не боялся королевского госсекретаря, поскольку никогда не занимался грязной работой. Но тот держал в своих руках судьбы стольких людей, что один промах мог означать смерть для многих, не исключая и его самого. Роберт впервые получил задание такой важности – найти изменника в театре Тома Олвика. Совсем иная работа, не похожая на его предыдущие занятия: шифровки, донесения, поединки. Опасность поджидала со

всех сторон.

Он не может провалить задание. Кто бы ни попался в широкие сети Уолсингема.

Он прогнал воспоминание об улыбке Анны.

– Я близок к ответу.

– Рад это слышать, – сказал Уолсингем. – Филлипс сейчас расшифровывает новое перехваченное письмо, возможно, оно прольет свет на многие вопросы. Я сообщу вам, как только мы что-то получим. А пока расскажите, какое у вас впечатление от «Белой цапли» и ее трупы...

Прошло еще около получаса, прежде чем, наконец, Роб покинул дом. Его провожала лично леди Уолсингем, ее бледное взволнованное лицо ясно говорило, как сильно она волнуется об отце, который, несмотря на свою болезнь, так упорно работает. Выйдя на улицу, Роб вдохнул полной грудью. Даже густой, зловонный воздух Тауэра был милее этого, спертого.

Роб нахмурился, вспоминая Уолсингема и Филлипа, склонившихся над бесчисленными письмами и выслеживающих изменника в театре, где он сейчас обитает. Кто-то из тамошних актеров использует свои таланты в несправедливых целях, но кто и зачем? Он не имеет права ошибиться. Слишком много поставлено на карту.

Он надел шляпу и повернулся к реке, собираясь в обратный путь. Все его мысли еще были заняты мрачным домом, и потому он не сразу заметил, что на другой стороне улицы

прячется какая-то женщина. Но потом ему в глаза бросилось что-то серое, и он, схватившись за шпагу, резко развернулся.

И в шоке осознал, что это Анна Баррет и она пытается от него скрыться. Что она делает так далеко от дома и так близко к волчьему логову? Что ищет и что знает?

Роб зашагал за ней, решительно настроенный это выяснить.

Глава 7

– Миссис Баррет, как вы оказались так далеко от дома?

Анна быстро обернулась, у нее бешено забилося сердце. Когда он вышел из дома, один и с мрачным отстраненным лицом, она так испугалась, что даже прижалась к стене там, где пряталась. Его не было очень долго.

А когда он направился прямо к ней, развернулась и заторопилась вперед, только чтобы обнаружить, что путь ей преграждает пустая каменная стена без окон. Она побежала назад, решив выйти к реке тем же путем, что и пришла. Роба нигде не было видно, и она подумала, что теперь снова может вздохнуть свободно.

Но ошиблась. Очень ошиблась. Спустившись к берегу, она неожиданно увидела Роба, который о чем-то договаривался с лодочником. Он оглянулся через плечо, словно почувствовав ее присутствие, и она быстро отвернулась, изображая интерес к букетам на цветочных лотках.

«Шпионка из меня просто ужасная», – думала она, затаив дыхание и молясь, чтобы он прошел мимо и не заметил ее.

Но ее молитвы оказались тщетны.

Услышав обращенные к ней слова, Анна обернулась и попыталась выдавить улыбку. Если бы она еще что-то слышала, помимо грохочущего в ушах биения сердца!

– Роберт Олден! – воскликнула она. – Могу то же самое

спросить у вас. У вас какие-то дела в Тауэре? По-моему, как ни странно, это вам даже подходит...

Роб внезапно схватил ее за руку и крепко сжал. Не больно, но стальной хваткой, из которой не вырваться. Наклонился к ней, пристально изучая с каменным, суровым лицом.

Он казался совершенно чужим, ничуть не напоминая нежного и страстного мужчину, целовавшего ее в саду. Ей стало холодно, несмотря на теплый ветер от реки.

– Вы видели, куда я ходил, – предположил он.

Его голос, как и лицо, ничего не выражал.

Анна попыталась высвободиться, но он не позволил. Он держал ее легко, без малейших усилий. Она сглотнула комок в горле.

– Не понимаю, о чем вы, Роберт. Меня не интересует, куда вы ходите.

– Я умею лгать по причине своей профессии, – сказал он. – А вы не умеете лицедействовать, особенно с такими глазами.

– Какими?

– Зелеными и прекрасными – они чисты, как лесное озеро. Вы ничего не сумеете от меня спрятать.

– Мне нечего прятать. – Анна распрямила плечи и вскинула голову. Она не будет жаться, как трусиха, как бы сильно она ни боялась. – В отличие от вас, как я посмотрю.

– Идемте со мной. – Не выпуская ее руки, Роб повел Анну обратно к дороге. И снова перед ним расступалась толпа, а

он двигался так легко и быстро, что ей приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него.

Анне хотелось вырваться и исчезнуть, ничего не зная о его секретах. Но что-то в глубине души, какая-то искра давно забытого авантюрного ощущения, которое она так старалась уничтожить после окончания своего брака, все же дала о себе знать. Она давно подозревала, что у Роба много секретов – тени и закоулки, в которых он обитал и куда никто не мог за ним последовать.

Неужели она сейчас обнаружит, в чем состоят эти тайны? Анна чувствовала себя так, словно стояла на каменном утесе, продуваемом всеми ветрами, и смотрела в набегающие внизу волны. Один небольшой толчок, и она упадет и погибнет.

Роб глянул на нее сверху вниз, его глаза потемнели, как океанские глубины. Анне показалось, что он и сам в них тонет.

– Куда мы идем? – спросила она.

Он свернул на узкую извилистую улочку, из тех, что бесконечно вливались в другие улицы и площади и вели к массе домов и людей, создающих неизбежный лабиринт этого мира. Почти все небо закрывали крыши домов, а река совсем отдалилась. Вокруг было темно и пусто.

– Эй, внизу, осторожнее! – раздался чей-то крик.

Роб дернул Анну к стене, и вовремя: кто-то с верхнего этажа выплеснул грязную воду в сточную канаву и чуть не облил

их. Но Роб продолжал двигаться вперед, ничего не объясняя.

Наконец они добрались до таверны на углу поблизости от театра. Над полуоткрытой дверью красовалась вывеска с изображением трех колокольчиков.

В такой ранний час здесь почти никого не было. В темных углах сидели несколько оборванцев, да служанка отскребала пол.

Роб потащил Анну к хлипкой деревянной лестнице и провел под самую крышу. Они пошли по узкому коридору мимо очереди закрытых дверей. Вокруг было тихо, в воздухе висел тяжелый запах капусты, вареной говядины и сальных свечей.

Он открыл последнюю дверь в конце коридора, втощил Анну внутрь и только после этого выпустил ее руку.

Он отвернулся запереть дверь, а она потеряла запястье, до сих пор чувствуя тепло его прикосновения, и встала как можно дальше от Роба. Это была маленькая гостевая комнатка со скошенным потолком и одним уличным окошком. Мебели мало: кровать со смятым бельем и разбросанными подушками, стол под окном, на котором валялись испачканные чернилами бумаги, и два стула с прямыми спинками. Превосходный красный дублет, что был на нем прошлой ночью, небрежно валялся поверх одежного сундука.

Роб бросил шляпу и провел рукой по волосам, сильно взлохматив темные волнистые пряди. Сегодня он казался старше, чем обычно, лицо осунулось, вокруг настороженных глаз залегли тени.

– Пожалуйста, садитесь. – Он предложил ей один из стульев. – К сожалению, мне нечем вас угостить. «Три колокольчика» – прекрасное место, чтобы снять комнату, но, боюсь, здесь мало удобств. – Увидев, что Анна колеблется, он засмеялся. – Прекрасная Анна, обещаю, что не причиню вам вреда. Вам хотелось узнать, куда я ходил. Готов об этом рассказать, хоть и не уверен, что в итоге об этом не пожалею.

Не сводя с него глаз, она медленно опустилась на стул. Поставила на пол свою корзинку, положила на нее шаль и аккуратно отстегнула шляпку.

– Я не уверена, что действительно хочу это знать.

– А у меня такое чувство, что вы уже знаете. Или, по меньшей мере, догадываетесь. – Роб взял другой стул и уселся на него задом наперед, глядя на Анну поверх облупившейся спинки.

Они смотрели друг на друга так, словно не смогли отвести взгляд, даже если бы и попытались. Анна вновь чувствовала, как накануне в саду, будто их опутывают невидимые узы, связывают таинственным образом и уже не вырваться.

– Это дом государственного секретаря Уолсингема? – спросила она и зажала руки между коленями, чтобы усидеть на месте.

– Вы знаете об Уолсингеме?

– Все в Соутворке о нем знают. Едва ли мы можем избежать его бдительного ока. Говорят, ему известно все, что происходит в Англии и даже за ее пределами. И еще он обла-

дает сверхъестественными способностями и пользуется ими, чтобы защитить королеву Елизавету от всяческих заговоров.

Роб издал горький смешок.

– Он не обладает сверхъестественными способностями, но сильно напоминает огромного могущественного паука, который держит всех нас под наблюдением. Ему на каждом углу мерещатся ужасные заговоры католиков, и он считает, что должен всех их разоблачить. Словом, живет в тени страхов и подозрений.

Жизнь в страхе и подозрениях – да разве бывает иначе? Анна не смогла припомнить ни единого такого дня.

– И вы тоже из его приближенных?

На Уолсингема и его политических врагов – лорда Сесила, а год назад и лорда Лестера, ныне покойного, – работало множество людей. Все об этом знали. Каждый стремится выжить как может, в конце концов, жизнь – лишь череда масок. Их меняют по мере необходимости, и никто никогда не узнает правду.

Но, столкнувшись с реальным свидетельством того, что Роберт – один из этих тайных осведомителей и тоже носит маску за маской, Анна почувствовала головокружение. Ее мир опрокинулся, перевернулся с ног на голову, и с глаз упали шоры.

– Он любит вербовать писателей и актеров, – сказал Роб. – Мы имеем некоторое образование, и нам приходится настойчиво предлагать свои услуги. Мы разъезжаем по стране и во-

дим знакомства с людьми всех сословий и рангов и всегда нуждаемся в деньгах. Да, я иногда работаю на него. Когда он решает, что я смогу выполнить задание.

– И сейчас тоже?

Его внимательный и пристальный взгляд вильнул в сторону. Роб пожал плечами:

– Я поддерживаю связь с Ситтинг-Лейн. Время сейчас беспокойное, на каждом углу маячат испанцы, и никто точно не знает, к кому перейдет власть.

Анна резко откинулась на спинку стула. Значит, вот в чем состояла его тайна, во всяком случае, одна из них, он – тайный агент, завербованный за хорошую наблюдательность и способности лицедея.

Он и за ней тоже следит?

– Как вы оказались на этой работе? – спросила она.

Он снова пожал плечами:

– Наверное, это возможность как-то выдвинуться. Не многие писатели живут на доходы от своих произведений. Эта работа дает мне заработок и знакомства с влиятельными особами.

– Такими, как леди Эссекс?

– Говорят, ее муж занял место лорда Лестера, ее покойного отчима, он в фаворе у королевы. Такое знакомство не повредит.

Анна пристально посмотрела ему в глаза. Ей тоже хотелось выглядеть наблюдательной, вникать в тайны челове-

ской души. Ее не покидала тревожная мысль, что он рассказал ей не все секреты, а за его работой кроется нечто большее, чем деньги и связи.

Но больше одной тайны зараз ей не вынести.

Роб внезапно опустился на пол рядом с ней и взял ее руки в свои. На этот раз очень бережно, никакого сравнения с цепкой хваткой, которой он ее сюда привел. Он переплел их пальцы, поднес к губам и быстро поцеловал.

– Я отдаю свой секрет в одни-единственные руки – ваши, прекрасная Анна, – произнес он. – Моя жизнь и смерть теперь полностью в вашей власти. Я лишь простой связной Уолсингема, но если об этом узнают...

Анна сомневалась, что Роб может быть кем-то «простым». За его необычной историей наверняка стояло что-то еще, но ей пока хватало и того, что она уже узнала.

– Я никому ничего не скажу. Если вы меня кое в чем успокоите.

– И в чем же?

– Не подвергаетесь ли вы опасности? Я имею в виду, более чем обычно. И те, кто рядом с вами?

– Анна, я обещаю, что смогу вас защитить, что бы ни случилось. Вам не грозит из-за меня опасность. – Он прикоснулся губами к кончикам ее пальцев и поцеловал внутреннюю часть ладони. Потом перевернул ее руку и коснулся языком пульсирующей жилки на запястье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.